

Война, которую выиграла советские химики

И.И. Гольдфаин

История последней мировой войны полна загадок. Некоторые из них — химические.

Странные приключения берлинского доцента

В апреле 1941 года доцент Берлинского политехнического института и старший научный сотрудник химической фирмы «IG Farbenindustrie» Фридрих Карл Шнейдер был призван в армию. А менее чем через пять месяцев, 31 августа в 2 часа 43 минут утра, советские моряки выловили его из вод Финского залива. Там он оказался после того, как самолет Ю-88, в котором он летел, был сбит. Остальные члены экипажа погибли. Шнейдер получил тяжелые ранения и скончался через 32 минуты после того, как попал в плен, но за это время его успели допросить.

История фантастическая — уж больно много в ней неправдоподобных деталей. Первый же вопрос: как доцент оказался в боевом самолете? Он не мог быть членом экипажа — стрелком-радистом или штурманом, а тем более летчиком, для освоения этих воинских специальностей требуется время. Даже если допустить крайне маловероятное предположение, что в молодости он был летчиком, все равно нужно время, чтобы научиться пилотировать бомбардировщик нового типа. Да и трудно вообразить, чтобы высококвалифицированного химика использовали где-то, кроме военно-химической службы. Так что он мог лететь на самолете только пассажиром. Однако использование пикирующего бомбардировщика Ю-88 в качестве пассажирского тоже необычно. Немцы иногда перевозили пассажиров на бомбардировщиках, но, как правило, это был горизонтальный Хе-111. Конечно, можно вспомнить знаменитого авиаконструктора В.М.Петлякова, погибшего на пикирующем Пе-2, — но ему надо было срочно в Москву, и он сел в попутный самолет.

Еще более необычно место, где нашли доцента в водах Финского залива, — в семи-восьми километрах к северо-западу от Петергофа. То есть вблизи прочно удерживаемого Красной армией участка побережья. Как туда мог залететь немецкий самолет с пассажиром на борту? Если самолет летел над морем вдоль южного берега Финского залива, то откуда и куда он мог лететь? Если он летел в Финляндию, то пролетел ли он над участком побережья от Петергофа до устья реки Луги, где занимали боевые позиции десятки зенитных батарей, прикрывавших Кронштадт с юга? Если он летел из Финляндии, то ему, очевидно, предстояло пролететь над этими батареями. Дело было ночью, но самолет мог осветить прожекторный батальон, который входил в состав 2-го зенитно-артиллерийского полка ПВО Балтфлота и над позициями которого должен был пролетать в таком случае Ю-88. В любом случае трудно придумать правдоподобную версию маршрута, следуя которому немецкий самолет с пассажиром мог оказаться так близко от Петергофа. Вдобавок этот пассажир был «секретноносителем», и об этом должны были подумать те, кто составлял полетное задание.

В самом деле, выловленный доцент успел дать ценную информацию. Первое: германское командование решает вопрос

о применении химического оружия при готовящемся штурме Ленинграда, то есть войскам Ленинградского фронта угрожает химическое нападение. (Кстати, этого доцент не мог бы знать, если бы в армии был летчиком.) Второе: возглавляющий Верховное командование вермахта генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель считает, что применять химоружие следует не на советско-германском фронте, а при высадке на Британские острова, которая произойдет после победы Германии на Востоке.

И то и другое было важно. Советское командование получило еще одно указание на возможность использования противником химоружия на Ленинградском фронте. И, как следствие, была повышена готовность войск к ведению боевых действий при применении противником такого оружия. В начале сентября 1941 года в войсках Ленинградского фронта проводились серьезные мероприятия по линии ПХО (противохимической обороны). И, кто знает, может быть, эти мероприятия предотвратили эту акцию немцев.

А информация о намерении использовать химоружие при высадке на Британские острова была ценной для англичан. И вряд ли советское руководство не сообщило союзникам о такой опасности — это должно было усилить у англичан желание помогать СССР. Более того, подобное предупреждение было так кстати, что можно предложить конспирологическую версию: уж не выдумала ли наша сторона эту информацию? Однако она содержится в серьезном и до недавнего времени секретном документе — телеграмме И.В.Сталину от А.А.Жданова и К.Е.Ворошилова, датированной 6 сентября 1941 года.

Но откуда простому доценту могло быть известно о планах генерал-фельдмаршала Кейтеля? Или он занимал в Берлине высокую должность? В этом случае он мог лететь в командировку на фронт на попутном самолете, который отклонился от курса. Только уж очень далеко этот Ю-88 отклонился...

Удивляет и профессионализм допрашивавших, сумевших за короткое время получить от умирающего столь ценную информацию. Кстати, кто вытаскивал незадачливого доцента из воды? Маловероятно, чтобы вблизи места падения немецкого самолета случайно проходил советский корабль, на котором находился человек, способный квалифицированно допросить немца. Или на этом корабле случайно был и переводчик? Или такого корабля не было, а кто-то на берегу наблюдал падение самолета и послал туда катер, а допросили его уже на берегу? Но в таком случае в распоряжении у допрашивавшего было совсем мало времени — 32 минуты пребывания доцента в плену минус время его доставки до берега. Одним словом, загадочная история — и это далеко не единственная загадка, связанная с деятельностью военных химиков в годы Второй мировой войны.

Не было ли это провокацией немецких спецслужб? Подсунули химика с легендой, чтобы проверить, какой будет реакция советского командования? Убедились, что войска Ленинградского фронта на угрозу реагируют оперативно, поняли, что применение химического оружия на ленинградском направлении особых преимуществ не даст, и отказались от его применения? Версия кажется маловероятной и все равно не объясняет остальных неувязок в этой истории. Однако, судя по архивным документам, она произошла в реальной жизни.

Ленинград, сентябрь 41-го

Одна из тайн Второй мировой войны — почему в ней не использовали химическое оружие? Как принято считать, Гитлер опасался, что его противники ответят тем же. А Муссолини этого не боялся и в 1936 пустил в ход это оружие против эфиопов. Но в 1941-м, когда войска Британской империи (южноафриканцы, индийцы и другие) начали наступление в той же Эфиопии, итальянцы его не применили, а после упорного сопротивления сдались.

Однако бывали ситуации, когда такая логика могла не сработать. Допустим, немецкое командование знало, что если оно применит химоружие, то противник ответит тем же, но сможет это сделать не сразу, а через несколько дней — на подготовку эффективного ответного удара требуется время — и, возможно, в другом месте. Будь у вермахта реальная возможность добиться в течение этих дней успеха, имевшего стратегическое значение, применение химоружия было бы с германской точки зрения рациональным. Именно такая ситуация возникла в конце августа 1941 года. Если б вермахт тогда с помощью химоружия взял бы Ленинград, от такого удара СССР мог бы и не оправиться.

Вспомним, в октябре — ноябре 1941 года на Ленинградском направлении действовали значительные немецкие силы. Если бы Ленинград пал, то значительная часть этих сил приняла бы участие в наступлении на Москву и исход московской битвы мог бы оказаться иным. Мощь СССР была бы сильно ослаблена потерей Балтийского флота. Кроме того, потеря Ленинграда имела бы большое политическое значение — и в оккупированной Европе, и на оккупированных советских территориях число коллаборационистов сильно бы возросло. Можно было бы указать еще несколько факторов, в силу которых падение Ленинграда резко ослабило бы боеспособность Красной армии, но и этого вполне достаточно. Значение Ленинграда хорошо понимали и в Москве, поэтому принимали все необходимые меры для удержания второй столицы, в том числе по линии химзащиты и «химнападения», тем более когда вермахт стал готовиться к штурму Ленинграда. И информация, полученная от незадачливого доцента, была одной из многих причин, побудивших советское командование отдать приказ войскам Ленинградского фронта готовиться к отражению химического нападения.

Однако могла ли Красная армия в 1941—1942 годах чисто технически нанести ответный химический удар, достаточно ли сильны были ее химические войска и могло ли советское руководство отдать соответствующий приказ?

ИСТОРИЯ СОВРЕМЕННОСТИ

Вот начало приказа наркома обороны от 13 августа 1941 года: «В связи с усложнением задач химической защиты войск и увеличением объема работ — приказываю:

1. Реорганизовать Управление военно-химической защиты Красной Армии в Главное военно-химическое управление Красной Армии в составе:

- 1) Управления химического отпора,
- 2) Управления химической защиты...»

Преобразование Управления в Главное управление означает, что, с точки зрения руководства, значение соответствующей структуры существенно возросло. Назначение Управления химической защиты понятно, о назначении другого Управления — химического отпора — тоже нетрудно догадаться. Вот еще два приказа наркома обороны, отданные в тот же день: «Дегазационные батальоны реорганизовать в батальоны химической защиты, передав их в непосредственное подчинение армий, из расчета один на армию» и «Все химические батальоны реорганизовать в батальоны химического отпора, изъять из подчинения фронтам и армиям и подчинить Главному военно-химическому управлению Красной Армии, как резерв Верховного Командования» (Русский архив: Великая Отечественная: Т. 13 (2—2). Приказы народного комиссара обороны СССР. 22 июня 1941 года — 1942 год. — М.: Терра, 1997).

Основных причин, отбивших у вермахта желание использовать химическое оружие, две. Одна — наличие в Красной армии службы химической защиты, которая сохраняла свою боеспособность даже в самые тяжелые дни; следует отдать должное воинам этой малозаметной службы. Другая — наличие в Красной армии значительных сил химического нападения. В частности, начиная с осени 1941 года армия располагала множеством подвижных реактивных систем залпового огня («катюш»), идеально приспособленных для стрельбы химическими снарядами. Заметим, что существовавшие в немецкой армии в начале войны полки шестиствольных реактивных минометов (Nebelwerfer) относились к химическим войскам.

Итак, к применению химоружия Красная армия была готова. Дата выпуска этих приказов говорит о том, что угроза была реальной. И даже за счет скудных ресурсов, столь необходимых в те дни для других родов войск, усиливали не только химзащиту, но и силы «химического отпора», которые собирались применить только в случае использования противником химоружия.

При этом следует уточнить, что батальоны химзащиты должны были в основном защищать войска на фронте. Химзащитой городов занималась служба Местной противовоздушной обороны (МПВО, входившая в НКВД). Служба МПВО обеспечивала население убежищами и боролась с последствиями бомбардировок, расчищала завалы, извлекала раненых из-под обломков зданий и т. д. И в этом отношении сделано было многое. В частности, в Москве, Ленинграде и других городах значительная часть бомбоубежищ фактически стала бомбогазоубежищами.

Химоружие как последний шанс

Могла ли Красная армия использовать химоружие не в качестве ответной меры, а по собственной инициативе? Для этого, помимо технических возможностей, требовался приказ Верховного главнокомандующего — все батальоны химического отпора по

Учения МПВО (<http://www.arrobazona.com/a-paranoia-nuclear-historia/>)

Nebelwerfer мог стрелять химическими снарядами, но «по документам» был оружием для создания дымовой завесы

приказу от 13 августа 1941 года стали резервом Верховного командования и подчинялись только московским инстанциям. Мы знаем, что даже в самые тяжелые дни 1941—1942 годов СССР химического оружия не применил. Но если бы СССР оказался в положении, близком к безнадежному, то не исключено, что такой приказ мог быть отдан.

Рассмотрим, как в таком положении — близком к безнадежному — поступали другие участники Второй мировой войны. Германия в конце войны, когда стало ясно, что войну она проиграла, применила крылатые ракеты Фау-1 и баллистические ракеты Фау-2. Эти ракеты обоснованно считаются выдающимся техническим достижением. Однако в военном отношении они себя не оправдали — ущерб, нанесенный ими противнику, был относительно невелик. Колоссальные средства, затраченные на конструирование и производство этих ракет, могли бы быть потрачены более разумно с военной точки зрения. Однако расчет был на психологию, на устрашение, на то, что потери от этих ракет приведут к политическим последствиям, к уменьшению военной активности Великобритании. Вероятность такого результата была очень мала, но после Сталинграда было понятно, что спасти Германию от катастрофы может только чудо. И руководство вермахта шло на авантюры, которые, пусть с очень небольшой вероятностью, давали шанс избежать поражения.

По аналогичным причинам нельзя исключить также, что химоружие применили бы противники Германии, если бы оказались в ситуации, близкой к безнадежной. Есть много свидетельств готовности к этому Черчилля в случае успешной высадки немецких войск на Британские острова. Нельзя исключить, что и Сталин пустил бы в ход такое оружие, если бы положение Красной армии стало безнадежным.

Угроза же действительно была вполне реальной. В 1932 году на одном из предприятий германского химического концерна «IG Farbenindustrie» в результате утечки микроскопического количества химических веществ пострадало несколько десятков человек, причем даже те, кто находился в соседних помещениях. Большинство отравленных скончались на месте в течение нескольких минут. Исследования в этой области немедленно засекретили. В итоге новое боевое отравляющее вещество было готово к применению уже в 1937 году — это был табун, этиловый эфир диметиламида цианофосфорной кислоты. Главная заслуга в его создании принадлежит химику Герхарду Шрадеру, который позже создал зарин и зоман.

А чем, интересно, занимались в 1932 году немецкие химики, чьи исследования привели к созданию БОВ (боевых отравляющих веществ) нового поколения — нервно-паралитических? Иногда пишут, что «табун, как и зарин, был открыт в процессе исследовательских работ над пестицидами». Стало быть, не только в 1932 году, но даже в 1938-м, когда гитлеровская Германия судорожно готовилась к войне, шла работа над пестицидами. А если в результате получился нервно-паралитический газ, то это просто случайное совпадение.

При знакомстве с историей боевой химии возникает удивление — насколько в этой области в годы Второй мировой войны немецкие химики были впереди планеты всей. Может быть, потому, что они раньше других стали над этим работать? По условиям Версальского договора Германии было запрещено иметь или разрабатывать собственное химическое оружие. А поскольку она обладала наиболее развитой химической промышленностью в Европе, союзные контрольные комиссии неусыпно наблюдали за деятельностью предприятий, выпускающих ингредиенты для возможного производства известных в то время табельных образцов БОВ. Возможно, поэтому немцы и занялись поисками ядовитых веществ, принципиально отличных с химической точки зрения от БОВ, применявшихся в Первую мировую войну. Кстати, табун был опасен не только своим сильным поражающим воздействием. Не менее важно, что существовавшие в то время фильтры для противогазов от него не защищали.

Холодная химическая война

Когда пишут об активности СССР и других стран в области боевой химии в предвоенные годы, вспоминают Женевскую конвенцию 1925 года о запрещении химического оружия, к которой СССР присоединился в 1927 году. Иногда с оттенком морализаторства отмечают — мол, конвенцию подписали, а от химоружия не отказались. Уточним: конвенция запрещала только применение химоружия; разработку, производство и транспортировку, что может включать и доставку в войска, она не запрещала. Смысл был в том, что первым применивший такое оружие мог нарваться на ответный удар. Может быть, именно поэтому в годы Второй мировой войны она и не была нарушена.

Ситуация с химическим оружием в то время напоминает ядерное сдерживание и холодную войну — оружие массового поражения не применялось, но была реальная возможность его применения. Поэтому разведчики старались выявить те или иные потенциальные угрозы, проводились весьма дорогостоящие защитные мероприятия и так далее. В холодной войне оружие массового поражения используется в основном для обоюдного запугивания. Но это относится и к угрозе применения химоружия. Действительно, если 22 сентября 1938 года, во время обострения политического кризиса, кончившегося печально известным Мюнхенским договором, в Лондоне открылись пункты раздачи противогазов, то это вполне могло запугать жителей Лондона.

На заднем плане реальной Второй мировой войны велась холодная химическая война. И описанные выше приключения доцента-химика, полученная от него информация и последовавшие за ними мероприятия по проверке состояния средств химической защиты в войсках Ленинградского фронта сильно напоминают некоторые эпизоды реальной холодной войны.

При этом кое-когда химическое оружие было в высокой степени готовности. Так, 2 декабря 1943 года в итальянском порту Бари немецкие бомбардировщики потопили американский транспорт. В результате произошла утечка иприта из находившихся на этом транспорте химических боеприпасов, пострадали моряки. Вопрос: почему американские химические боеприпасы оказались в столь опасной близости от линии фронта?

Как известно, всякого рода действия, связанные с холодной войной, проводились, как правило, тайно, о них мы мало что знаем и в наши дни. Точно так же мы мало что знаем и о деятельности военных химиков в годы войны. Но про советских, английских и, возможно, американских химиков можно сказать главное: свою основную задачу они выполнили, враг применить химоружие не решился.

